

Author: Береговский Владимир Емельянович

Миссия не выполнима

Миссия не выполнима

1. Встреча.

«Солнце светит всем». Произнёсший условную фразу, молодой человек, с небольшой чёрной бородкой напряжённо улыбаясь, смотрел на Литоса.

Ох, уж эти конспиративные штучки. Приходится к ним прибегать только для того, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания. Пароль то правильный, но только человек его произносящий был засланным шпионом Рима.

И не надоело им снова и снова пытаться так примитивно войти в его окружение! Впрочем, почему примитивно? Нормальный способ – старый, как этот мир. Только вот куда они запрятали настоящего посланника?

Литос быстро просканировал молодого бородача. Так и есть. Опять надо выручать похищенного римлянами посланника. Хорошо, что не убили, а всего лишь бросили в яму. Придется заняться и этим вопросом – нельзя чтобы посланник находился в этой норе больше, чем трое суток.

Литос непроизвольно поёжился, представив этот мрачный, жуткий погреб, плотно прикрытый крышкой, сквозь которую вовнутрь не проникал ни один лучик света. Бррр!

— Не беспокойся, господин, с твоим человеком, пока я здесь, ничего не случится, – вдруг на чёткой прекрасной латыни произнёс чернобородый.

Литос с изумлением понял, что римский шпион читает его мысли так же легко, как и он. Неужели это хорошо замаскированный член их команды? Нет, это невозможно. Дополнительное сканирование мозга чернобородого явно

показывало его земное происхождение. Интересный тип, мутант с усиленными паранормальными способностями. Но как он интересно мыслит! Какими яркими образами! Ну, и чему он так радуется? Какая всё же открытая улыбка. Нет у него никаких злых умыслов, хотя и есть что-то тщательно скрываемое, потаённое...

— Кто ты и чего хочешь? – тоже переходя на звонкую латынь, спросил Литос. – Я вижу, что у тебя нет желания мне навредить. Но тогда почему ты служишь римлянам? Ведь ты же иудей? Не правда ли?

И тогда чернобородый вдруг опустился на колени и смиренно попросил его выслушать. Что ж, это было главное задание Литоса – слушать и анализировать.

На этот раз полученная информация была исключительно ценной. Чернобородого звали Исая. Он пришёл из Вифлеема, и ему было тридцать три года от роду. Исая хотел счастья не для себя, а для всех. И у него был план, который одновременно испугал и заинтересовал Литоса.

План, предложенный Исайей, не очень-то удивил Литоса. Ничего удивительного нет в том, что кто-то обязательно должен первым испытать на себе новые лекарства или новые технологии. Ведь и тут, на Земле появился некий человек, который первым придумал высекать огонь из двух кремней. Или первые гениальные изобретатели колеса, копья, лука.... Правда, на этой планете первооткрыватели, благодаря редчайшей во Вселенной специфической человеческой психике, обязательно преследовались другими, более благоразумными соплеменниками. И в большинстве случаев косное большинство сначала уничтожало своих выдающихся персонажей, а уже потом пользовалось плодами их трудов.

Для Литоса, как реальщика, такое поведение людей было необъяснимым с точки зрения простейшей логики. Редкая аномалия даже для необыкновенно

разнообразной природы бесконечного числа разумных рас бесконечного Космоса.

Может быть ещё в первобытной протоплазме, зародившейся на Земле два миллиарда лет назад, уже появился какой-то таинственный дефект? Литос усмехнулся. – Существовала и такая теория. А также муссировалась гипотеза о том, что мутационная ошибка возникла в результате падения на Землю метеорита в конце эры динозавров, около 150 миллионов лет назад. А ещё... Ну, да не время сейчас об этом. Главное узнать - будет ли положительный результат. А это можно достоверно определить только после проведения предложенного Исайей эксперимента.

Прямое и чистое пожертвование собой ради всего сообщества людей. Не ради отца, матери, жены, любимой, соплеменников, а для всех сразу. – В практике Литоса, да и в целом всей их группы, такое может случиться в первый раз.

Но ведь это не выбор Литоса или других вземных источников. Это решение странного и прекраснодушного Исайи. Запретить нельзя. Помешать можно. Помочь нужно.

2.Утро.

Утро было чудесным, бодрым и звенящим от пения птиц. Исайя верхом на ослике проезжал мощные четырёхметровые крепостные ворота Иерусалима. За ним следовали его ученики, в том числе он, Литос.

Равнодушные римские легионеры со скукой смотрели на их немногочисленную группу. « Ну, ничего, сейчас они проснутся, - с весёлым азартом думал Литос. - Сейчас Исайя покажет им представление».

Как будто услышав, Исаяя остановился буквально в десятке метров от римских солдат. Его лицо осветилось радостной и немножко наивной улыбкой и, не смотря на дорожную пыль, как бы засияло внутренним светом. Глаза чудно заблестели. Весь облик Исаяи, как обычно перед проповедью, преобразился. Из усталого путника он вмиг превратился в могучего пророка.

И он заговорил. Чистые звуки его звучного баритона вмиг перекрыли все шумы. Площадь изумлённо замолчала.

Литоса тоже, как всегда, заворожил этот могучий искренний голос прирождённого проповедника, хотя многие изречения Исаяи он выучил почти наизусть. Но сейчас его главной задачей было наблюдать за реакцией окружающих.

А Исаяя говорил о братстве людей, о всеобщем счастье и справедливости, о всемогущем всеблагостном Всевышнем, который любит людей. Он призывал создать царство любви и счастья на Земле.

Послушать пророка собралась довольно жидкая толпа. Здесь привыкли к проповедям. Сначала, привлечённые особенным видом и необыкновенным голосом Исаяи, люди слушали внимательно, но постепенно пришли в себя и стали расходиться по своим привычным делам. Несколько римских легионеров, поначалу тоже как будто немного встряхнулись и стали слушать. Но потом вернулись под тень крепостных стен. Им было всё равно, о чём вещал этот странный путник. Может он сумасшедший? А, впрочем, в этой стране столько ненормальных ораторов, не ленящихся говорить в этот, начинающийся наливаться зноем, день.

Литос продолжал заворожено слушать Исаяю, но одновременно его рациональная половина уже начинала вырабатывать продолжение проекта

«Спасение». - Итак, реакции еврейских властей на возмущение спокойствия Иерусалима не последовало. Пока. Но ждать у моря погоды они не будут. Значит, пора согласно предварительному уговору, прибегнуть к варианту «Предательство».

3. Вечер.

Вечер тревожил сердца лиловыми тенями, прятавшимися в зарослях Гефсиманского сада и отражающимися на лицах собравшихся вокруг длинного стола людей. Безветренная духота усиливала тревогу и заставляла учащённо дышать. Литосу казалось, что это не воздух вливается в его лёгкие, а медленный и бесцветный яд. Впечатление было таким реальным, что он машинально поверил свои защитные фильтры. Нет, они были, как всегда, в полной исправности.

Он видел, что Исае тоже не по себе. На его обычно благодушно улыбающемся лице застыла печать томления ожидания. Литос нахмурился. – Может пора прекратить этот опасный эксперимент. Исая, как великий телепат, тут же уловил сомнение Литоса и ободряюще ему заулыбался: «Мол, ничего друг, не беспокойся. Всё будет хорошо».

Оба они почти с облегчением увидели, как расплывчатые тени оливковых деревьев вдруг ожили и зашевелились. Они начали смыкаться вокруг собравшихся и приобретать очертания множества людей вдруг заполнивших всё пространство приникшего вечернего сада.

Вперёд выступил высокий первосвященник, в белоснежной чалме которого поблескивала золотая пластина. Рядом с ним Иуда казался смазанным чёрным облаком, на фоне которого смутно белело пятно лица с испуганно блестящими маслинами глаз. По плану на Иуду выпала нелёгкая задача сыграть предателя. Впрочем, его психологический тип вполне подходил для этой роли, и кто его знает, возможно, когда-нибудь он бы и стал

предателем вполне добровольно.

Литос с холодным любопытством смотрел на разыгранную как по нотам сцену поцелуя Иуды. Обычай целоваться в губы он считал одним из самых отвратительных привычек землян и с трудом сдерживал естественное отвращение. Хотя кто за ним сейчас будет подглядывать, разве что сам Исая, который иногда проявлял чудеса проницательности.

Но Исаяе было явно не до наблюдений. Расхрабрившиеся в верноподданническом усердии еврейские храмовые стражники уже готовы были привести негласный приговор в исполнение немедленно. В свете факелов замелькали их увесистые дубинки. Носить мечи храмовой страже римской властью запрещалось, но в умелых и безжалостных руках палка тоже может быть смертельным оружием.

В такой ситуации малейшее промедление могло стать роковым. Литос принял решение. Конечно, он мог бы с лёгкостью, пользуясь только одной дубинкой разогнать всю эту свору, но это было исключено, так как разрушило бы всю сложную операцию Исаяи. К тому же зачем причинять боль этим и без того обездоленным и несчастным людям? Достаточно метода устрашения. Молниеносный выпад меча и самый храбрый стражник с криком хватается за отрубленное ухо. Лёгкий поворот в сторону остальных стражников и они с ужасом роняют свои дубинки. Вот так. Не больше. Не надо, чтобы они напугались до смерти. Хорошо. Теперь стражники смущённо поднимают с земли свои палки и смыкаются вокруг Исаяи и первосвященника, а потом, с усилием стараясь не оглядываться, почти бегом уводят Исаяю. Следом с криком и плачем бегут женщины. Дико озираясь, за ними плетётся Иуда.

В Гефсиманском гроте догорают факелы. За длинным столом остаются сидеть одиннадцать мужчин. Впрочем, Литоса вряд ли можно назвать мужчиной в полном смысле этого слова. Он с интересом посматривает на этих

ближайших соратников блестящего Исайи. Да, без него они потеряли свой самый главный стержень, стали такими же, как все: покорными и усталыми. Неужели это на них Исайя надеется? Неужели вот эти перепуганные на смерть, оборванные грязные, угнетённые внезапным арестом своего учителя бородачи понесут в народ его учение о конечной победе добра над злом, о гуманизме, о любви?

4. Прощание с Землёй.

Внизу жёлтым маревом проносилась безжизненная скатерть пустыни с жалкими зелёными пятнышками редких оазисов. Как обычно – ни одной мало-мальски приличной тучки. Только далеко на горизонте висело одинокое желтоватое облако, подсвеченное снизу заходящим солнцем.

Литос угрюмо смотрел вперёд, краем зрения наблюдая за благодушно улыбающимся Исайей.

Он мучительно думал о последнем отчёте Кассандры. Так они между собой называли свой специальный программный комплекс, который на основании обработки множеств и множеств фактических данных выстраивал все возможные варианты социально-общественного развития сообществ разумных рас.

К сожалению, сравнение прогнозов социального развития Средиземноморской Ойкумены до и после проведения эксперимента Исайи дали практически идентичные результаты. Разница между ними не превышала нормативной статистической ошибки. Оба прогноза были отрицательные. Правда, как обычно, прогнозы рассчитывались не более чем на два тысячелетия.

Таким образом, дальнейшая работа группы становилась бессмысленной и даже в некотором смысле вредной.

Литос вспоминал вчерашнюю беседу с программистом.

— Как бы это сказать доступнее для реальщика, - программист насмешливо прищурился, - Понимаешь, эта кривая показывает девяносто двухпроцентную несовместимость развития гуманизма землян и технического прогресса.

Литос тяжело вздохнул и снова покосился на довольного Исайю. Конечно, в этих уравнениях он, как реальщик, досконально разобраться не может, но вполне понятен их основной результат - гуманитарная миссия на Земле невыполнима. Хорошо, что Исайя, наверное, никогда не узнает, что его жертва, скорее всего, оказалась напрасной. Восемь процентов надежды - это слишком мало! А как стойко Исайя держался, и как мужественно он принял адские муки на кресте!

И всё же, при всей своей самой искренней любви к этому замечательному землянину, Литосу было невозможно понять последнее пожелание Исайи. Конечно, пожертвовать собой ради настоящего и будущего своей разумной расы это вполне естественно. На поясе планет Литоса такой поступок не был бы каким-нибудь необычным исключением, как здесь, на Земле. Непонятно другое - как может Исайя так легко покинуть своих близких, своих друзей, своих соратников ради возможности через много сотен, а не исключено, что и много тысяч лет увидеть плоды своего благородного поступка. Но это была настоятельная просьба Исайи - подарить ему, как он высказался, забвение, пока для человечества не наступит эра всеобщего счастья и благоденствия.

Солнце наконец-то скатилось за горизонт и только подсвеченное его лучами далёкое облако ещё напоминало о прошедшем жарком дне.

— Какая тоска жить на Земле, - думал Литос, - Нет, видно пора брать отпуск.